

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**ВОРОВСКОЙ
ДНЕВНИК**

Москва
2022

Воровской дневник

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Стараясь не дышать, она медленно сделала пару шагов. Одна из старых половиц предательски скрипнула под ногой, и Даша замерла от ужаса. Стук в дверь затих, но девушка точно знала, что Иван ждет ее там, в обманчивой тишине подъезда, вслушивается в каждый звук, раздающийся за тонкой деревянной перегородкой.

Этот скрип ее и выдал. Иван с удвоенной силой забарабанил в дверь, добавляя теперь и удары ногами. Тонкая филенка с ободранным дерматином дрожала от напора и готова была вот-вот вылететь из косяков.

От страха девушка сжалась в комок и подумала, что хорошо было бы сейчас исчезнуть, стать невидимой, совершенно незаметной. Ужас липким потом выступил на ее спине, запульсировал кровью в висках, пересушил горло и прилепил язык к небу. Ей хотелось пить, но в квартире уже давно были отключены вода и свет. Поэтому Даше пришлось бы сделать несколько шагов по коридору, зайти в крошечную кухню и набрать воду из ведра старым ржавым ковшом. А это новые предательские скрипы и прочие звуки.

Грохот на лестничной площадке остановило возмущение соседки, которая приоткрыла дверь своей квартиры и принялась кричать на разбушевавшегося парня:

— А ну пошел отсюда, хулиган! Я полицию вызвала, сейчас упекут тебя в каталажку. Перестань дверь ломать! Там не живет никто уже десять лет, красть нечего!

Угрозы подействовали. Раздались тяжелые шаги по ступенькам, хлопнула дверь подъезда, но Даша все так же стояла без движения в темном коридорчике своего нового жилья. От

страха она стала словно ватной, тело не слушалось ее, а в голове плавал туман.

Девушка не могла понять, как долго это продолжалось. Пять минут или полчаса? От ужаса, сковавшего ее, мысли в голове Даши двигались медленно, словно в вязкой холодной каше, которую она ела по утрам в детском доме. Даша всегда боялась громких звуков, от криков замирала с остановившимся взглядом и словно отключалась от внешнего мира, пугающего ее.

Наконец-то она смогла вздохнуть, а потом и шевельнуться. Девушка маленькими бесшумными шажочками дошла до кухни, но воду набирать не рискнула, лишь прильнула сухими губами к ледяному озерку в эмалированном ведре, поднятом с пола.

За то время, что она провела в детдоме, из мебели в квартире остались одинокий колченогий табурет на кухне да продавленная раскладушка в комнате. На окне вдоль разошедшей старой рамы растянута тюль с огромными прорехами, грязная от многолетней пыли.

В одну из этих дыр Даша осторожно заглянула, высматривая своего буйного гостя во дворе. Но парня нигде не было видно. На яркой пластиковой горке двое малышей катались под присмотром высокой пожилой женщины, подросток выгуливал собаку. Вполне мирная картинка обычного московского дворика, прилипшего к старой пятиэтажке.

Девушка убедилась в том, что опасности нет, и ее мучитель ушел, а потом лихорадочно принялась собираться. На стареньком разбитом телефоне уже светились цифры 9.25, а ей еще предстояло пешком добираться до театра, потому как денег на проезд у нее не осталось. Но попасть туда нужно обязательно. Ведь сегодня ее второй рабочий день в костюмерной театра. Если она будет стараться, то уже через две недели получит первую зарплату, которая поможет ей наконец-то вылезти из жуткой долговой ямы.

После выхода из детского дома ей было приятно вернуться в родную квартиру, где она прожила до смерти мамы и бабушки. Радость продлилась ровно до того момента, когда Даша осознала, что денег у нее нет ни на что, даже на еду. Как и где

искать работу, она не представляла. Чтобы в квартире было тепло, светло и комфортно, ей необходима кругленькая сумма в несколько сотен тысяч. Такие деньги девушка в руках никогда даже не держала.

Ситуация с каждым днем становилась все тяжелее. Долги по-прежнему росли. Даша часто проводила весь день без крошки во рту.

Наконец-то у нее появилась возможность заработать хотя бы на кусок хлеба. Потерять это место было никак нельзя.

Собиралась она быстро, смочила в ведре прохудившееся полотенце и протерла лицо, натянула джинсы, футболку и тоненькую ветровку. Теперь можно было бежать.

Перед выходом Даша покосилась на огромную коробку, в которой хранились вещи мамы и бабушки. При переезде она дала себе слово, что сегодня, в день своего рождения, она откроет ее и узнает, что же там ждало ее целых десять лет. Но времени на приятный сюрприз для себя уже не оставалось. Пешком до театра ей надо было идти больше получаса.

Она осторожно щелкнула замком, выглянула из-за двери, прислушалась к тишине в подъезде. В гулкий коридор из квартир долетали лишь самые обыденные звуки. Тявкала собачонка, плакал ребенок, играла музыка по радио.

Успокоенная девушка торопливо вышла из дома, по асфальтовой дорожке, знакомой с детства, пробежала через двор, обогнула чахлые кусты, по тропинке, вытоптанной сотнями ног, пошла через гаражи.

Этот путь знали и использовали много лет все местные жители, чтобы не обходить длинные дома, которые по замыслу архитектора слились в одну стену. Куда удобнее пройти по тропинке, тянущейся между десятком старых металлических ракушек и густых кустов, и оказаться на оживленном проспекте буквально за пять минут.

Много лет назад коммунальщики начали было обустривать эту территорию, но вскоре потеряли интерес к захлавленной заплатке земли, зажатой между домами. В наследство они оставили большую ржавую трубу канализации, которую

невесть зачем провели над землей, бетонные блоки с арматурой, торчащей из них, и основания электрических столбов.

На ходу девушка прикидывала, как потратит первую зарплату. В голове у нее громоздилась куча планов. Ей нужно было погасить огромный долг по коммунальным платежам, обеспечить включение воды и света. После смерти матери, а потом и бабушки Дарья десять лет провела в детском доме. Квартира все это время пустовала. Но для коммунальных служб существуют не люди, а лишь счета и документы. Так что к своему возвращению в родную квартиру Даша помимо голых стен получила и солидный долг, до оплаты которого ей приходилось жить без электричества, отопления и воды.

Все деньги, которые у нее были при возвращении, она потратила на памятники и оградки для могил матери и бабушки. Сумма тоже оказалась астрономической, пришлось даже занять половину у Ивана, давнего знакомого. Для девушки это было так важно, что она согласилась и на огромные проценты займа, и на квитанцию с кучей нулей, которая была ей выдана в ритуальном агентстве.

Ради этих памятников она вставала рано утром и шла на свою первую работу, в цветочный киоск. Девушка дрожала от сырости в прохладном помещении, тонкими пальцами перевязывала упругие стебли, робко улыбалась покупателям и старательно записывала выручку в рыхлую тетрадь каждый вечер перед закрытием.

В конце месяца вместо ожидаемой суммы ее ждал удар. Владелец киоска, пузатый жилистый Артур, заявил, что у новенькой работницы огромная недостача. Поэтому она не получит ни копейки, даже больше того, должна будет отработать бесплатно еще две недели. Даша тогда попыталась что-то возразить, но в ответ обрюзгший мужчина в пестрой рубашке, с толстым золотым браслетом на пухлой руке, принялся орать на нее, тыкать волосатым пальцем в тетрадь.

От его криков Даша привычно застыла. В ее голове теннисным мячиком прыгала мысль о том, что не зря математика всегда называла ее деревяшкой. Цифры в сознании девушки обычно путались и сливались в кучу. Она тогда без единого слова выбежала из киоска. Лишь бы не слышать мужского

визгливого голоса, который прижигал ее до боли, словно удары кнута.

При таком вот обидном воспоминании в горле у Даши застрял комок, а глаза защипали слезы.

В детском доме за этот ступор при крике, плач при любой ссоре или драке ее прозвали Квашней. Эта обидная кличка прилепилась к ней на все долгие годы сиротской жизни в детском доме. Даша ненавидела ее, но изменить себя не могла. Во время любого конфликта из глаз у нее начинали литься огромные соленые капли.

Ее частое дыхание вдруг сбилось от резкого удара в плечо. Хрупкая девушка отлетела к железной стене гаража. В следующую секунду грубая ладонь крепко зажала ей рот.

— Ты чего, Квашня, дверь не открывала? Меня чуть в ментовку не забрели из-за твоей соседки. Я же знал, что ты дома. Если бы не старая карга, то вынес бы в два счета фанеру в твоей халупе, — прошипел ей в лицо Иван, ее давний знакомец.

Этот парень жил с ней в одном детском доме, но был на четыре года старше. Так что пока Дарья оканчивала швейное училище, он успел набраться знаний в уличном университете. Встретились они случайно возле местного супермаркета. Ванька калымил там грузчиком, а девушка забежала туда за дешевым рассыпным чаем, который спасал ее от холода в промозгом цветочном киоске.

С тех пор Ванька регулярно заходил к старой знакомой на работу, угощал сладкими булочками из этого же супермаркета, веселил рассказами об ушлых продавщицах и недотепистом старом охраннике, который не замечал его мелких краж. Был он парнем крепкого телосложения, с широким скуластым лицом, на котором выделялся перекошенный в частых драках нос. Глубоко посаженные глаза, множество мелких шрамов, а главное — пугающая улыбка, демонстрирующая редкие обломки зубов, делали его внешность отталкивающей. Детдом и бурная жизнь в уличных подворотнях добавили Ивану неприятный бегающий взгляд и речь, пересыпанную трехэтажным матом.

Но других кандидатур для общения у Даши не было, так что с каждым днем она все больше привыкала к внешности

и манерам этого парня. А когда он сам предложил ей денег в долг, она была в таком восторге, что повисла у спасителя на шее и поцеловала его в знак благодарности.

Но через две недели после щедрого поступка все изменилось. Как только Даша не смогла вернуть деньги, Ванька мгновенно показал темную сторону своей натуры. Его заботливое отношение к ней испарилось, он превратился в жуткого монстра. Каждый день он звонил Даше, караулил ее у квартиры, говорил о растущем долге и требовал возврата денег.

На все попытки девушки объяснить, что ее обманули с расчетом и она теперь ищет работу, этот тип отвечал крайне грубо. Он со вкусом излагал, как переломает своей должнице ноги, порежет лицо и подожжет волосы, если она не начнет возвращать ему занятые деньги прямо сейчас. От таких угроз Даша впадала в ступор. По ее бледному личику ручьем текли слезы.

Вот и сейчас Ванька зажал ей рот рукой, прижался к уху и принялся вполголоса бубнить:

— Бейсбольной битой переломаю ноги так, что ты всю жизнь будешь в коляске ездить, глаза тебе выткну. Чтобы завтра деньги были, поняла?

Со стороны они выглядели как влюбленная парочка, которую обуяла страсть в укромном уголке зеленых зарослей. На тропинке мелькнула женщина с коляской, но только окатила их неприязненным взглядом и исчезла между кустов, растущих возле детской площадки.

От страха Даша не в силах была закричать или замотать головой.

Парень поднес горящую зажигалку близко к ее широко раскрытому глазу:

— Сожгу тебе скальп, будешь лысая безногая уродка. Поняла, Квашня? Завтра чтобы открыла дверь! — Не дожидаясь ответа, парень убрал руку и рывком швырнул Дашу на обломки кирпичей, валяющиеся возле гаражной стены.

После этого он развернулся и пошел, не оглядываясь на худенькую фигурку, лежащую на земле.

Даша с трудом поднялась на ноги. Джинсы оказались перемазаны в грязи, на ладони кровоточила свежая ссадина. Она на автомате двинулась по тропинке.

В ее голове, среди вязкого тумана страха пульсировала одна только мысль:

«Мне нельзя опаздывать».

Она все-таки опоздала.

Костюмерша мазнула взглядом по бледному лицу и измазанным джинсам, а потом недовольно буркнула:

— В туалете приведи себя в порядок, после этого бери отпариватель и утюг. Вот три платья на вешалке. Их надо отгладить. Если где оторвалось кружево, то пришей его. К обеду ты непременно должна закончить. У них репетиция в костюмах будет.

Даша кивнула торопливо, бросилась в коридор и тут же потерялась. Вчера костюмерша показала ей, где находится уборная, но сегодня темные рукава закулисья показали девушке лабиринтом. Она долго бродила, путалась в дверях и табличках, пока наконец не увидела уборщицу с полным ведром воды.

Обратно она дошла быстрее. В костюмерной уже вовсю кипела работа, и Даша лихорадочно схватилась за шланг отпаривателя. Плотный бархат плохо разглаживался, густые кружевные воланы упрямо топорщились некрасивыми заломами. Даша перенесла платья поближе к гладильной доске, где с помощью влажной марли и утюга наконец-то смогла выровнять роскошный воротник и манжеты.

В теплой комнате вполголоса переговаривались женщины, мерно тикали часы, тихо шуршала ткань нарядов.

Девушка сноровисто подшила оторвавшийся подол, потом отпарила второе платье и принялась выглаживать шелковый пояс на третьем. От тихих звуков и тепла в ее животе растаял комок страха. Она согрелась впервые за долгое время.

Из-за отключенного отопления по ночам Даша не могла уснуть под тонким покрывалом, ворочалась с боку на бок, потирала друг о друга заледеневшие ступни и ладони. Днем согреться тоже не получалось. Из детского дома она вышла с

тощим чемоданчиком. Тамошние девчонки вечно оттирали покорную Квашню в сторону при раздаче одежды. Если ей и доставалась иной раз хорошая вещь, то дерзкие сиротки без боя забирали у безответной Даши все, что им приглянулось.

В квартире после заселения она обнаружила лишь плед, проеденный молью, в который она куталась днем и ночью. Ледяные стены, ветер из щелей деревянных рам не давали ей покоя ни на минуту. Несчастной девушке оставалось с прикрытыми глазами мерить квартиру шагами, замирая на секунду в полудреме.

От жаркого воздуха в костюмерной глаза у нее начали слипаться, боль в ладони затихла, все тело налилось приятной слабостью. Она забылась, провалилась в сон.

И тут из-за резкого крика ее как пружинной подбросило. Девушка открыла глаза и сразу же увидела, почему визжит костюмерша. На зеленом шелковом платье под острым носиком утюга расплывалась дыра со сморщенными и оплавленными краями.

Костюмерша выхватила утюг из ослабевших рук Даши и зазвенела высоким голосом:

— Ты что наделала? Через полчаса репетиция, а ты на платье прожгла дырищу! Это же шелк! Ты что творишь! У тебя совсем мозгов нет!

Девушка не в силах была прошептать даже просто извинение.

Дородная костюмерша сгребла платье, с силой пихнула его ей в руки и за рукав потянула за собой по коридору театра.

Перед белой дверью с табличкой она остановилась, подтолкнула стажерку в спину и заявила:

— Вот иди и сама разбирайся, объяснишь Строевой, как ты ее платье перед премьерой сожгла. Иди, иди, извиняйся, а то молчит, в рот воды набрала.

Но девушка оцепенела от такой вот беды.

Ее вялый, совершенно безвольный вид окончательно вывел костюмершу из себя. Она распахнула дверь и одним рывком, прямо как кутенка в воду, протолкнула несчастную Дашу в примерную знаменитой актрисы.

Сама же костюмерша поспешно удалилась. Эта особа вполне понимала, что с ее стороны было глупостью доверить глажку платья перед премьерой неизвестной стажерке, которую она видела второй день. Но от общего волнения из-за подготовки нового спектакля она не в силах была сдерживать порывы гнева, а тут под руку ей попала безответная девушка.

Пару дней назад эта особа поддалась на уговоры своей приятельницы, согласилась взять на работу бедную сироту. Соседка по даче преподавала в швейном училище и уговорила ее попробовать Дарью в костюмерной театра, заявила, что эта девчонка отличается ответственностью и золотыми руками.

На деле же сразу приключилась неприятная история. Театральные сплетницы разнесут ее по всем гримеркам максимум за час, ни за что не упустят такой возможности.

Костюмерша работала здесь добрый десяток лет и не понаслышке знала, как любят театральные дамы обсудить каждую деталь закулисной жизни. От досады она дернула плечом и нахмурила брови. Девица оказалась безрукой, да еще и невоспитанной, даже не попыталась извиниться за испорченный костюм. Если директор решит уволить эту нерадивую неумеху, то туда ей и дорога.

В этот момент Даша застыла с платьем в руках в небольшой гримерке. Горло ее сдавливали рыдания, так и рвущиеся изнутри.

Красивая женщина, сидевшая перед зеркалом, повернулась в ее сторону и проговорила приятным теплым голосом:

— Принесли? Вот и отлично! Поможете мне его застегнуть сзади. Там множество вредных пуговок. — Актриса поднялась, подошла к Дарье и вытянула платье из ее рук. — Ах! Оно же прожженное, — Мария Строева с удивлением рассматривала дыру на выглаженном платье. — Зачем вы его принесли?

Голос актрисы был таким нежным, что Даше захотелось ей все объяснить, рассказать, что она не выпалась и замерзла, а здесь ей стало тепло. Это произошло случайно, и она может все исправить. Но губы не слушались ее, а в горле словно застряла кость.